

The background of the entire cover is a repeating pattern of red roses on black stems with green leaves. The roses are stylized with multiple layers of petals. A solid red rectangle is positioned on the left side, containing the author's name and the title.

ОКСАНА ЦАРЬКОВА

ВЕДЫ

КОЛИНА

18+

ОКСАНА ЦАРЬКОВА

Веды. Колина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

ЦАРЬКОВА О. С.

Веды. Колина / О. С. ЦАРЬКОВА — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Бел туман по лесу постилается, среди сосен высь, пробирается, среди синь берёз, среди плач-травы, то туман из слов, из людской молвы. Из людской молвы, из девичьих слёз, где торчат столбы сломанных берёз, где в омутах тьма глубоко ушла, где любовь была, да в реку сошла. Да в реку сошли тёмны ноченьки. И в тумане том - веды - доченьки. Чей сорвала жизнь до цветенья цвет... Белой тот туман - туман белых вед... и никто не ведает, как туман веду выбирает, веду отдаёт, веду забирает. Веды никому не ведомы. Придут на опушке леса из тумана. Белые все. И сядут веночки плести, песни петь... И, не дай бог, парню выйти на их зов... Не уйдёт он жив, коли сердцем не чист. Заманят его веды в самый тёмной омут на реке. В тот омут, в котором сами утопли от любви... А если парень сердцем светел, то веды ему подарок дадут такой, какой сам испробит...

© ЦАРЬКОВА О. С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Капля дрожала на кончике травинки. Тяжёлая, набухшая падала вниз. На босой палец маленькой ножки. Девочка хохотнула от неожиданной прохлады, облизавшей ступню. Божья коровка важно расселась на соседней с её носом веточке. Насекомыш сосредоточенно гремел жёсткими скорлупками красноточечных надкрылков.

Потом, жучок зажужжал, выпрастывая мягкие смуглые тоненькие крылышки, но остановился, замер. Коричневатые краешки перепоночек застряли в полуразмахе, стеснённые створками глянцевого полукружия. Солнца лучик струйкой пронизал кружева зеленолистных трепетных берёзок, добрался до голубого любопытного глаза девчушки, затаившейся над божьей коровкой, щекокнул пушистые реснички.

Колина чихнула. Звонко дёрнула звуком, вытягивая губы в трубочку...

Получилось "Чууууииих". Нежно, тоненько.

Букашка сдулась с ветки, падая спинкой, невероятно вывернулась, покачалась в воздухе, в этот день необычайно пряном, тягучем, и улетела на небо.

Девочка задрала голову. Пушинки волосиков, обрамлявших светлое личико, поднялись вверх. Лента, голубой змейкой выметнулась, выскользнула в зелёную высокую траву.

Невдалеке громынуло ботало, повязанное на коровью выю.

Колина подхватила ленту с травы, подвязала коску, опрометью понеслась на опушку, едва касаясь быстрыми ножками лоснящейся зелени многотравья.

Стадо бурёнок возвращалось в деревушку. А с ними и пастух – отец Колины.

Каждое утро, чуть свет, и каждый предзакатный час, Колина стояла у края деревни, за развалившимся забором "чёрной избы", опираясь ручонками на косой, дурновылезший кол, за которым кончалась деревня и начинался прилесок. При рождении её крестили Софьей, но никто, кроме её отца, и не помнил этого имени. Как только девочка научилась топаться ножками, она стала поутру и ввечеру подбегать к колу и держась за него, качаясь и напевая одной ей ведомые песенки, провожать-встречать стадо с пастухом.

Людские языки споро прозвали девочку Колина – держащаяся за кол, топчущаяся у околицы.

Мать Колины скончалась родами. Она была из пришлых. Не деревенская, не нашенская. Вся белая, прозрачная, болезненная голубой синевой венки, стекавших по невесомым запястьям к изнеженным, белозким ладошкам.

Наши местные девахи были ширококостны, широколицы, грубоватой, раскосой наружности. Закопчены жадным солнышком, чуть колченоги, приземисты. Русский волос у них жёсткий, как конский. Было что-то от монгольской вольницы в этих суровых девушках. В том, как они, подобоченься, подтыкали подола, подхватывали золотые щетинистые снопы, перевязывая их на перекрестье вязанкой.

Когда Павел, невеста откуда, то ли, с лесных заимок, то ли, с дальних выселок, привел себе невесту – деревенские сразу прозвали её Сinya, минуя её имя Лизавета.

В деревне на прозванья языки быстры. Только Павла всегда и все звали по имени. Не приклеилось к нему ни одно прозвище, как ни старались деревенские острословы. От него всякая чёрнота отскакивала, как шелуха от спелых зёрен. И сам Павел был несхож с деревенскими ни нравом, ни обличьем. Светлокожий, голубоглазый, с пшеничной духмяной бородой. "Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца" – судачили соседи, но Павел только улыбался тихо в свою чудесную бороду, в которой жили-путались травинки-лепесточки. Он был весь, как свежий луг, на который гонял он деревенское стадо. Такой же журчащий и ласковый.

Вечерами они с Колиной садились у окошечка, что выходило на лес, и смотрели, смотрели вдаль, перешептываясь одним лишь им понятными словами. Одним лишь им ведомыми звуками.

Вёды. Так про эту маленькую семью судачили в деревне.

А всё пошло от местной повитухи Лясы. Уж больно она любила посплетничать. А тут...

Мать Колины – Синя дохаживала на сносях из последних сил. Она таяла, а живот рос. Под конец, Павел выносил её по утрам на руках на опушку, укладывал на душистый травяной сноп, а сам уходил со стадом на ближние луга.

~~~

... белы́ облака, белы́ лёго́ньки. Где вы ведо́ньки, мо́и дево́ньки... Я ушла от вас, заплела венки, зализал туман раны моих ног. Да любила я, да ходила я, в ому́ты темны́, выходила к вам с туман-пéлены, за́певала я с вами пёснь свою... белы́ облака, скоро к вам сойду...

~~~

Вечеру, Павел забирал жену из стога́, лёгкую, невесомую, как-будто обтекающую белой пеной большой, тугой живот.

Ляса была званá в дом к Павлу до родов всего раз. Тогда она заглянула в глаза Сини́, и всё поняла...

– Не жить тебе, девонька, – Ляса тихо проговорила в тень, бывшую когда-то Лизаветой, – вся ты ушла в дочку вашу. Вон, живот то, какой круглóй...

Повернулась и ушла.

Уходя, бросила коротко Павлу.

– Через месяц приду. Денег не возьму. Но то, что попрошу – отдашь.

Павел, как всегда, тихо кивнул в ответ.

В тот день, когда Колина́ попросилась на свет, по-над лесом стоял белым-белый туман. Его языки жадно подползали к избе пастуха, лизали её, искали щелочки, чтобы заползти, забраться в дом, погладить ту, что сольётся с ним вскоре.

Роды были быстрыми. Синя коротко охнула, и испарилась, исчезла, утонула в белых простынях, настеленных в протопленной нажарко, по указу Лясы, баньке.

Под низким потолком раздался тонкий писк новорожденной девочки.

– Аааууууи. – Чудно́, необычно, как песня, невдо́мая, иная, нездешняя. – Аааууууи.

Свет, падавший он лучин, заплясал, заторопился по стена́м, затрясся в душистый травах, навешенных Павлом, по наказу повитухи.

Синя-Лизавета глянула на дочь, откинулась назад, закрыла синие веки. И отошла за туман. Тихо, тихо.

Белые простыни были за́литы чёрной, смолистой кровью роженицы. Ляса покачала головой, окунула ребёнка в тёплую воду, обмотала в чистые пеленá, и сунула скрутку застывшему от горя Павлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.